

ГЛЕБ СЕЛЕЗНЕВ

Дорогами мойры

Глеб Селезнев
Дорогами мойры

«Издательские решения»

Селезнев Г. В.

Дорогами мойры / Г. В. Селезнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836070-1

Может ли обыденная жизнь оказаться частью каких-то великих событий, произошедших ещё до рождения? Могут ли в душе пробудиться воспоминания о том, что сложно назвать реальностью? И могут ли в мире действительно существовать такие явления, как душа, путь, судьба?

ISBN 978-5-44-836070-1

© Селезнев Г. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дорогами мойры

Глеб Селезнев

© Глеб Селезнев, 2016

© Глеб Вячеславович Селезнев, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-6070-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Последние тусклые звёзды тонут в синеве утреннего эрнийского неба. Каждую ночь эти звёзды загораются на небосклоне и гаснут по утру, когда трёхглавая Эрна растворяет их в синеве своего сапфирового света. Конечно, нужно быть по меньшей мере поэтом, чтобы суметь описать это время, нам уж куда...

...Быть может эти огоньки на чёрном полотне обрушивающегося сверху каждое мгновение всей бесконечной своей тяжестью космоса и есть – души, дожидаящиеся своего часа? Или уже покинувшие юдоль Единственного Света и ставшие душами странников, ушедших из невероятно большого, но не бескрайнего Веретена...

Да, душа, наверное, всё-таки бессмертна и может испытать как момент рождения, так и мгновение смерти дважды, и уже невозможно будет сказать, родилась и исчезла она, дабы возродиться снова, или же возродилась чтобы продолжить то, что было незавершено. Хотя, конечно, нам, простым смертным не дано понять ради каких ответов судьба порой даёт душе такой выбор. Судьба – понятие намного более широкое, чем резервы, представленные разумом (именно поэтому мы, скорее всего, никогда не узнаем смысла Света, смысла всего); душу ещё, быть может, можно охарактеризовать с научной точки зрения, но вот судьбу – никогда, и придя к такому заключению становится ясной вся бессмысленность и такого вопроса: «что есть судьба?», хотя несмотря на это, сия загадка не оставит нас в покое на протяжении всего жизненного пути (жизненного – в более известном смысле).

Да, душа, наверное, всё-таки бессмертна и столь бескрайнее Веретено покажется когда-нибудь маленькой крупницей мироздания...

Летите же, павшие герои, ставшие звёздными скитальцами, чьи имена и образы будут помнить, пока не придёт миг всех живущих. Летите в пучины бескрайнего немого космоса и быть может когда-нибудь где-то между Гайе и Рэск¹ вы отыщите свой последний приют...

...Последние скупые звёзды прогоняет трёхглавая Эрна и вместе с ними растворяется в наполненном её светом воздухе ощущение неразрывной связи с глубинами космоса.

Эрнийский охотник—мыслитель, знакомый с Райвом и Гэктаром, (40 234 г. по эрнийскому летоисчислению)

¹ В древнейшей эрнийской мифологии две крайности бытия. Гайе – то из чего всё приходит, Рэск – то, куда всё уходит

Часть 1

Чужая кровь

Когда солнце, весь день безжалостно палящее город, начало уже потихоньку спускаться к горизонту, стало немного прохладнее, но всё же дорожная пыль, поднимаемая и перегоняемая тысячами полурасплавленных колёс, не давала вздохнуть полной грудью. Автобус особо не трясло и не раскачивало, поэтому под его ровный шум половина пассажиров спокойно спала. Остальные либо негромко переговаривались, либо смотрели в далёкие леса и степи, мелькавшие за окнами, либо были полностью погружены в свои мобильные телефоны, прибавляя к общему шуму частое щёлканье клавишами.

– Эль, дай воды, – нарушил тишину их небольшого уголка Максим, рослый, обросший едва заметной щетиной парень, лицо которого напоминало лицо такого простодушного водителя.

Светловолосая девушка с большими синими глазами, в лице которой слабо угадывались черты Максима, передала брату бутылку «колы».

– Долго ещё ехать? – спросила Эля, грациозно вытирая вспотевший подбородок салфеткой и тоскливо смотря в длинный проход автобуса, наполненный клубами импульсивно ворочающейся в нём пыли.

– Часа-пол, – ответил ей Дамир. – небольшой, но жилистый паренёк, чья смуглая кожа и чуть раскосые глаза выдавали в нём какое-то восточное происхождение.

Девушка немного помолчала, затем вновь спросила:

– А там есть где искупаться?

– Ага...

Настроение у всех было в общем-то неплохое, так как не может быть у студентов, катящих на загородный отдых, в самом начале лета плохого настроения. Но все они за полтора часа изнурительной езды порядком подустали и редко уже обменивались ничего не значащими фразами.

Ксения, девушка Дамира, утомленная дневным солнцем крепко спала на плече любимого. Максим «копался» в своём сотовом телефоне, а Эля и Дамир смотрели в окно.

Все, кроме Эли, в этой компании учились в одной группе одного университета и знали друг – друга уже пятый год. Начало этих летних каникул они решили отметить дома у ещё одного своего однокурсника, к которому они сейчас и направлялись, оставив позади проблемы большого города и целиком отдаваясь настроению многообещающего лета.

– А вы, Макс, на выходные только? – спросил Дамир, вытряхивая в рот последнюю каплю «колы».

– Д-да, – задумчиво ответил Максим. – Самому надо на дачу ехать, порядок наводить, – батя всю плешь проел.

– А мы с Ксеньей на неделю как минимум...

– Угу, – добавила, зевая, проснувшаяся Ксения. – Пока Олег сам не выгонит.

На некоторое время все замолчали.

– А этот ваш Олег, он кто? – спросила Эля.

– Кто? – широко открыв рот повторил Максим. – Человек – кто ещё-то.

Эля, беззвучно пошевелив губами, передразнила его, а затем продолжила:

– Поняла, что человек. Просто я слышала его имя раз двадцать уже, пока мы едем.

Дамир слегка улыбнулся, подумав о чём-то, и сказал:

– Да просто весёлый он человек. Да и вообще – парень... в общем классный он парень.

– И красавец к тому же, – добавила с улыбкой Ксения, покосившись на Дамира.

– Километров двадцать ещё до Громянска, – сообщил неожиданно Максим.

Уже стали видны трубы завода, и вид непрерывно движущихся за окном лесов и полей постепенно стал сменяться индустриальным пейзажем крохотного городка. Пассажиры, в нетерпении разминая свои затёкшие спины, шеи и ноги уже стали готовиться к прибытию, как вдруг под днищем автобуса что-то хрустнуло и пронзительно заскрипело. Водитель медленно прижал свою машину к обочине и остановился.

– Ну вот, приехали, – сказал Максим.

Они вышли на улицу, как сделали многие пассажиры, успокаивающие себя тем, что до города осталось совсем немного, и что можно передохнуть от спёртого автобусного воздуха и размять ноги. Из глухих, невнятных и не отличающихся особым радушием ответов шофёра, окружённого разгорячённой толпой пассажиров, друзья узнали, что у автобуса лопнул какой-то ремень, и он вряд ли куда-нибудь поедет, пока не прибудет помощь.

– Позвони Олегу, может, найдёт, на чём приехать, – сказала Ксения Дамиру, и тот на некоторое время отошёл в сторону, а, вернувшись, сообщил, что Олег пообещал что-нибудь придумать.

Не прошло и пятнадцати минут, как к автобусу подлетел старенький светло-серый «опель», и из него, не спеша, вышел крепкий загорелый парень, на вид лет двадцати пяти, с сурово сдвинутыми бровями. Но вот сквозь хмурое лицо его проступила еле сдерживаемая улыбка, а затем, когда друзья, громко смеясь и бросая в его сторону приветственные возгласы, направились к машине, парень этот тоже больше не смог сдерживать смех.

Поздоровавшись со всеми, Олег ненадолго задержал взгляд на незнакомой ему девушке, и она впервые увидела его странные, притягивающие чем-то неизвестным глаза. Первое впечатление бывает обманчивым, искаженным или преувеличенным воображением, но Эля несколько не сомневалась и в тот момент, и впоследствии, в своей мысли о том, что человек с такими глазами просто не может быть обычным. То ли оттого, что взгляд его сам по себе, если повнимательней присмотреться, был несколько тоскливым, то ли ещё непонятно от чего, этот взгляд порождал ничем не обоснованную грусть утраченного, ностальгию.

А он между тем широко улыбнулся и протянул ей руку:

– Олег, – представился твёрдым приятным голосом юноша.

– Элла... Эля, – ответила девушка и смущённо отвела глаза.

– Откуда машина? – спросил Максим.

– Сосед одолжил, – небрежно ответил Олег, поднимая с земли дорожную сумку, которую принесли ребята. В сумке звонко забрякало стекло. – Вы что сюда пить приехали?

– Да это, э-э... – протянул Максим. – Сервиз тебе в подарок везём.

Олег хмыкнул, кинул сумку в багажник и, дождавшись пока все рассядутся, лихо крутанул руль, выворачивая автомобиль в сторону города. Потянулись первые задымленные цеха и уродливые нерациональные постройки целлюлозно-бумажного завода, в ноздри полез характерный запах. Но завод был, как и сам городок, очень небольшим и кончился сравнительно быстро. После него начались невысокие кирпичные домики в три-четыре этажа, которые имели вид весьма уютный, в отличие от уродливых каменных монстров постмодернистских досоциалистических времён большинства таких же небольших, но намного более старых городов, или же бездушных, отражающих в своей сплошь зеркальной поверхности холодное небо, небоскрёбов огромных мегаполисов. В Громянке вообще всё было маленькое, простое и уютное: аккуратные улочки, чередующиеся с зелёными скверами; мини-фонтанчики, стоящие на вымощенных каменной плиткой, тихих площадях. Светофора здесь было всего два или три, пролетая которые, Олег даже, кажется, не обращал внимания на то, какой свет на них загорался.

– Раздолбай, – небрежно бросил Максим, когда он в очередной раз проскочил на красный.

Олег никак не отреагировал. Да и выглядел он сейчас каким-то... раздраженным что ли. Бывало у него вдруг...

Да, он мог быть «раздолбаем», как выразился Максим, мог плюнуть с высока на все законы и правила, мог проехать на красный свет светофора, да и прав-то его, собственно говоря, никто никогда не видел (машины своей так у него точно не было). Он мог порой потерять человеческий образ, напиться вдребезги, прогулять в один вечер месячный заработок, надавать ни с того ни с сего по морде почти незнакомому человеку. За такую безалаберность его тоже порой ценили, правда, очень недалёкие люди, люди, которые не привлекали его нисколько, а даже отталкивали. Но вот те, кто ехал с ним сейчас в машине, совсем не за это ценили и любили его, несмотря на фантастическую дисперсию в образах его поведения, и никому не понятные, неожиданные перемены настроения; несмотря на то, что порой трудно было добиться понимания этого человека, и, не смотря на то, что до конца этого человека не понимал решительно никто. Ксения однажды так прямо ему и сказала: «человек-загадка ты, Олег». Он тогда хмыкнул сначала, а потом задумчиво так проговорил: «жаль, что не на все загадки существуют разгадки...» Что он этим хотел сказать, не понял тогда, наверное, никто, да и Олег как-то сразу перевёл тему, пошутив насчёт «людей-разгадок», но тем не менее Ксения ещё долго размышляла над его словами.

Олег притащил откуда-то несколько надувных матрасов и раскидал их вокруг мангала. Друзья беззаботно валялись на этих лежбищах, подставив разогретые тела ослепительно-яркому солнцу, которое было в этот час в зените. Хозяин не спеша переворачивал шампура, смотря одним глазом на тусклые при свете солнца уголья, а другим – в книгу, которую он держал левой рукой. По небольшому, просто и гармонично скомпонованному садику с большими пушистыми яблонями и старыми деревянными качелями плыл приятный запах жирного мяса, жаренного на «живом» огне.

Дом Олега – крепкий деревянный домик с двумя комнатами и летней кухней, примыкающей к бревенчатой стене, целиком принадлежал ему. Купил он его сравнительно недавно – они тогда второй курс только заканчивали, – а уже столько изменений в него внёс, превратив заброшенную дачную хибару в уютный дом. Родителей у Олега не было, а что с ними случилось, и были ли они когда-нибудь вообще, – он предпочитал не распространяться, а интересоваться никто не осмеливался, даже преподаватели в институте: если на младших курсах и заходила об этом речь, Олег неожиданно грубо уводил разговор в сторону.

Когда шашлыки были готовы, Олег куда-то неожиданно смылся и остался без похвалы. Зная характер своего друга, ребята решили приступить к еде без него. Весь их утренний завтрак располагался прямо на траве, на расстеленной небольшой скатерти, и друзья стали подтаскивать маты ближе.

– Прямо воскресный пикник, – тихо сказала Эля. – И, главное, так тихо, спокойно. Не то что у нас. Классно.

– Угу. То ли ещё будет, – как-то чересчур угрюмо отозвался её брат

– А что будет?

– Вечер. Ночь...

– И House! Pumping! Elektro!² – громко объявил Дамир, при этом Ксения дала ему лёгкого подзатыльника и сказала, чтобы не орал на ухо.

В это время появился Олег, так же неожиданно как исчез, и присел рядом с ребятами.

– А у тебя яхта твоя цела ещё, – спросил у Олега Максим.

² 1 Стили электронной танцевальной музыки.

Тот посмотрел на него задумчиво, затем опять вскочил на ноги и, пробормотав что-то неопределённое, умчался в направлении дома, причём настолько быстро, что его даже не успели окликнуть.

– А что за яхта? – удивлённо спросила Эля.

– Да, – с усмешкой сказал Дамир. – Не яхта это, так... Килевую лодку он под парус поставил и катается по своей речке. Неплохо, кстати получилось. Мы на ней, помнится, в прошлый год давали джазу.

– Это когда ты пьяный чуть за борт не вывалился? – засмеялся Максим

– Когда такое было? – недоверчиво и зло спросил Дамир.

– Я откуда знаю, – когда? Ксюнь, когда это было?

Они, шутя и смеясь дурашливо друг над другом, ещё поспорили немного, а когда смех утих Эля негромко сказала, оглядываясь вокруг:

– Он ведь всё своими руками делает. Где такому учат...

– Жизнь научит, – сказал жёстко Дамир, знавший всё-таки пару строк из биографии Олега. – Родителей когда нету, как не своими руками?

Первые воспоминания Олега были связаны с голодом. Постоянно приходилось искать себе пропитание, собирать объедки, ну и так далее. Он не мог сказать что там было очень уж плохо, или злости было больше чем где-либо, а может просто и не помнил – маленький ведь был. Времена были тогда тяжёлые для всех, и если воспитатели выплёскивали свой негатив на детей, то это вряд ли означало, что они были злы по сути, скорее нервы не выдерживали терпеть нищенскую зарплату, плохую, нервную работу и полное отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Но ведь воспитали, не оставили же, не смотря ни на что, вложили какую-то искру на ранней стадии становления детского самосознания. И Олег вполне благодарен был им, понимая, что попадись ему в те далёкие времена люди несколько другого характера, то не учиться бы ему сейчас на пятом курсе «института экономики и права», а, может быть, петь хриплым голосом блатные песни, сидя на нарах и считать дни до окончания очередного срока...

Однажды Олег и ещё несколько ребят пробовали бежать из того, первого заведения (дето-приёмник какой-то, что ли, – он не помнил названия), но не потому, что плохо жилось, просто скучно было, а побег являл собою скорее очередную мальчишескую игру, из тех редких игр, что вообще у них были. Бежать было несложно – перелезть через забор, и ты на воле. Но воля эта оказалась обманчивой. Прожив на улице пару дней и испытав на себе нелёгкости беспризорной жизни, беглецы, замёрзшие, оголодавшие и раскאיивающиеся, вернулись в родные уже для них стены.

В восемь лет Олега по неизвестным ему сейчас причинам перевели в интернат. Сначала, правда, он оказался в каком-то медицинском учреждении, где провёл всего одну ночь. Здесь было много беспризорных пацанов, всяких: и с улиц, и тех, кто ещё ничего не знал об интернатской жизни, и тех, для кого другой жизни вообще не существовало. На следующий день предполагалось пройти медобследование, но врачи что-то там напутали – Олег смутно помнил эти два дня, – и его сразу увезли в интернат. Зато помнил он, как в ночь перед отъездом «бывалые» беспризорники разъясняли ему, как нужно вести себя в интернате. И Олег до конца жил в этом зверинце по заповедям, которые он запомнил в одну бессонную ночь.

В интернате его с первых дней стали называть «карасём», так как он говорил поначалу настолько мало, что никто даже не знал его настоящего имени. Да и, собственно, наплевать тут было всем на его имя, а что касается разговоров, то говорили там, в основном, не языком, а не по-детски набитыми кулаками.

Сначала за него взялись старшие – контингент мальчуганов от 12 до 16 лет, весьма не глухих во всех отношениях с весёлыми, правда, не всегда трезвыми глазами, которые приобре-

тали странный блеск при виде наказания какого-нибудь «малька», шприцов с поставляемым тайно неизвестно откуда зельем и картинок с голыми женщинами. Сами эти пацаны редко кого трогали своими руками – на то были у них помощники, «шестёрки», в которых были посвящены почти все мальки. Да и для того чтобы сделать человека шестёркой битья почти не требовалось – существовали намного более простые и страшные методы, вспоминать о которых не хотелось даже сейчас.

Олег, усвоив одну простую истину, что, сдавшись однажды и показав свою слабость, человек и дальше будет опускаться до самого низа, до дна (хоть и не рассуждал он тогда подобным образом, а просто интуитивно понимал, что будет хуже, больше), отбивался от них как мог: брыкался, кусался, царапался, но не забивался в угол. «Нельзя» – гласила одна из неписанных заповедей этого маленького, простого и открытого до отвращения мирка. Так старшие от него и отстали, не в силах победить его молчаливого упрямства, и Олег (теперешний, взрослый Олег) понимал *как* он должен быть благодарен тем двум паренькам в больнице, посеявшим в его сознании зародыши первых законов выживаемости в человеческом обществе. Самых отратительных законов самого неправильного общества на Земле.

Затем за него принялись «свои», почти ровесники, – девять – одиннадцать лет, мальки. Эти только били, били толпой, основательно и, что характерно, почти без видимой злости. Был это скорее некий гипертрофированный способ знакомства, принятия в свою компанию. Но этим Олег уже мог ответить. Стало легче – драки и стычки конечно всегда имели место в мире интерната, но уже все знали, что молчаливый карась может постоять за себя, а прямые, чистые глаза его не просто так светятся холодной яростью.

Олег ходил уже в четвёртый класс и молча хранил все свои мечты и тайны, а скверный учебный процесс воспринимал не ахти как, когда ему неожиданно объявили, что его забирают в бездетную семью. Олега эта новость ошеломила: всю жизнь жил в детдоме и тут – на тебе. Да и кому понадобился пацан в таком возрасте? Сначала он даже отбрыкивался от воспитателей, уговаривавших его, но потом пришёл толстый, уже не молодой на вид дядька и объяснил, что два года назад его жена и десятилетний сын погибли при роковых обстоятельствах, а Олег ему понравился. В итоге и дядька этот странноватый, но с добрыми и большими какими-то глазами приглянулся Олегу и они вместе уехали в Громянск.

С дядей Володи (папой он его никогда не называл) Олег прожил в комфортной, но пустой какой-то квартире многоэтажного дома до шестнадцати лет, и приёмный отец потянул его за собой на завод, договорившись с начальником своего цеха. Олег начал немного зарабатывать, даже приносить домой еду, особенно в последний год, потому как дядя Володя стал тогда часто пить, работать толком не работал, хотя по старой дружбе его никто и не думал увольнять. Всем искренне жаль было этого человека с пронзительно – тоскливыми дворняжкими глазами. В том числе и Олегу. Говорили они мало, не потому что не о чем было, – просто Олег видел, что приёмный отец смотрит на него с какой-то смущённой горечью, и ему было неловко за это. Сейчас Олег был уверен, что этот несчастный человек усыновил его не потому, что ему нужен был ребенок, а просто, потеряв своего, он как бы желал взамен помочь кому-нибудь из чужих детей. Олег не знал как погибла его семья, но предполагал, что дядя Володя чувствовал в этом свою непосредственную вину и таким вот образом, быть может, её искупал.

Дядя Володя умер, когда Олег был в школе, с утра – сердце не выдержало второго инфаркта, а скорую было вызвать некому. На похоронах он не проронил ни слезы.

Начались проблемы со школой – раньше он появлялся на заводе только после уроков, теперь же на учёбу времени почти не хватало. Обеспокоенные и порой разгневанные учителя стали звонить в соответствующие инстанции, к Олегу стали приходиться различные представители различных отделов по различным вопросам. Олег чуть ли не в косяки зубами цеплялся, когда ему объясняли, почему он не может дальше жить один в этой квартире. «Хрен высеците!» – орал он в ошарашенные добродетельские лица. – «А квартиру, квартиру куда денете,

гады!?!». Лишь чудом в сумасшедшей стране (в которой, впрочем, могло произойти что угодно, а уж чудеса, связанные с подходом к своей работе ответственных органов – тем более) в тот промежуток времени он остался проживать в собственной квартире, а не в одном из мест, где столбенеет даже человек, прожжённый и искалеченный реалиями повседневности.

А в один прекрасный день приехала одна тётка, десятилетняя сестра покойного приёмного отца Олега из какого-то там Горошкина и взяла его в опеку. На самом деле, – он с первой минуты уловил это в её глазах – ей нужен был далеко не Олег, ещё один голодный рот в семье. Он стал всё меньше появляться в этой, пропахшей чужими людьми квартире, почти всё время проводил на работе или, по вечерам, в грязных подъездах, выпивая порой со своими сверстниками из более благополучных семей, и ему совершенно непонятно было, почему пьют и отираются на улице эти люди, у которых есть и мама с папой, и *своя* крыша над головой. Но он совершенно не завидовал и не был зол на этих людей, многие из них были весьма неплохими ребятами и всегда уважали его, несмотря на то, что он в этой компании был, пожалуй, самым младшим. Благодаря ему, кстати, и подбирались в основном неплохие люди: те, кто ему не нравился, а он своих симпатий и антипатий не скрывал никогда, просто его боялись, равным счётом ничего не понимая в этом человеке, но чувствуя скрытую в нём необычайную силу, не только физическую, а какую-то ещё.

Подходил к концу одиннадцатый класс и учителя, знавшие о ситуации в семье Олега вытянули его кое-как к экзаменам и на экзаменах, дали всё-таки нормально закончить школу. Ему как раз исполнилось тогда восемнадцать лет, и вот тут снова нашлись добрые люди. На заводе его бригадир, Алексей Иванович, который всегда хорошо относился к дяде Володе, да и Олега, кажется, уважал не меньше (в свою очередь, и Олег ему никогда не отказывал, когда тот просил о чём-то), помог ему выиграть дело в суде, – вернее помогла его дочь с юридическим образованием, и тётка Олега ни с чем умотала в своё Горошкино. Поступить в институт областного центра ему тоже помогли родственники Алексея Ивановича, без содействия которых его вряд ли бы взяли куда-либо с его аттестатом.

Поселившись в институтском общежитии и лишь изредка приезжая в Громянск на свою квартиру, Олег запил, по началу, по чёрному, но не потому что так неожиданно появились всевозможные соблазны и свободы студенческой жизни, просто внутренний душевный неустой, терзавший его и до этого, стал тогда просто невыносимым. Бесконечные гулянки, драки, приводы в милицию, предупреждения о выселении из общаги. . . Как-то это всё докатилось до деканата и качественное чуть было не переросло в количественное, когда он висел на волоске от отчисления. Он покончил с таким образом жизни, махом перерубив всё что его с ним связывало. Постепенно он стал больше времени уделять учёбе, тем из однокурсников, которые действительно считали его другом и всем источникам информации об освоении малого бизнеса. Всё это помогло ему, конечно, несколько забыть о тех мыслях, которые так терзали его всё это время.

В конце второго курса он удачно продал свою квартиру в центре Громянска, за бесценок купил неплохой деревянный домик на окраине у родственников-алкашей умершего хозяина и основал своё предприятие, занимающееся изготовлением из отходов и издержек целлюлозно-бумажного завода предметов быта, сувениров и разного рода безделушек. С открытием своего дела стало намного сложнее совмещать учёбу с работой, особенно учитывая тот факт, что фирма его была в Громянске, а институт в центре, но это же и помогло как-то притупить то, что так мучило и полосовало душу. Прежние терзания, казалось, оставили Олега.

Всех этих подробностей Дамир, разумеется, не знал и рассказал Эле о жизни Олега не в двух даже, а в полутора словах, вновь побудив её к раздумьям об этом человеке.

Олег не заставил себя долго ждать, опять появившись, как чёртик из табакерки. На его голову было небрежно нахлобучено нечто вроде огромного сомбреро.

– Купаться идём? – спросил он, улыбаясь.

Река была совсем рядом с домом и парни недолго мучились, неся к ней сложенную яхту небольших размеров. Никто из друзей уже не удивлялся увлечениям и талантам Олега. Река была неширокой – всего метров семьдесят, но с очень чистой, тёплой и почти недвижимой водой. По берегам возвышались корабельные сосны, между которыми почти не было никакого подлеска, а расстояние между самыми ближайшими деревьями было таким большим, что можно было бы при желании ездить по всему этому лесу, по бурому ковру из прошлогодней хвои на автомобиле, не боясь где-нибудь попасть в тупик. На том берегу кроны сосен казались пепельно-синими, а над ними возвышалось ослепительно-голубое небо, без единого облачка. И яркое солнце заливало всю эту местность, вкуче со смолистыми соснами придавая ей янтарный блеск.

Эля сидела на носу лодки и украдкой поглядывала на Олега, правящего руль. Его загорелое, с правильными чертами, лицо, отражавшее солнечные блики, было обращено к ветру и выражение этого лица казалось Эле олицетворением всего этого замечательного дня. Если не приглядываться к глазам... Взгляд Олега был направлен в сторону дальнего берега, но, казалось, он смотрел ещё дальше, как будто насквозь этой очевидной синеватой полосы леса, и ни за что взгляд этот нельзя было назвать безмятежным, таким же как день. Так ей показалось тогда. А ещё она подумала в тот момент, что, несмотря на всю непростоту и бездонность Олега, к нему не нужно было долго привыкать и притираться, чтобы понять – вызывает он симпатию или наоборот. Не прошло ещё даже двух дней, а она уже успела пропитаться всеобщей любовью к этому необычному человеку, который относился к ней весьма вежливо и галантно.

Между тем они уже повернули обратно и подплывали к «их берегу». До них доносился весёлый смех уже слегка «поддавших» Максима с Дамиром, которые варили уху из небольшого улова. Олег сложил парус и вытащил яхту на берег.

– Олег! – сразу же позвал Максим.

– А?

– А у тебя ружья нет?

– Нет, а тебе зачем?

Максим вытянул нижнюю губу.

– Ну-у, на охоту бы сходили.

– А ты умеешь?

– Что?

– Охотиться, – что!

– Ходил пару раз на даче.

Олег на минуту задумался, присаживаясь у костра, а затем, загадочно глядя в огонь, сообщил:

– В этот лес лучше далеко не ходить. Да и вообще лучше не ходить.

– Почему?

– Там... – лицо Олега стало каменным. – Там живёт призрак.

Выражение его лица было настолько убедительным, что всё веселье вмиг испарилось с лиц друзей. Парни серьёзно нахмурились, а девушки испуганно упёрлись глазами в Олега.

– Какой ещё, к чёртовой бабушке, призрак?! – спросил Максим, глупо и ненатурально улыбаясь и надеясь, по-видимому, услышать, что это была шутка.

– Когда была война, враги убили в этом лесу одну местную девушку, которая никак не хотела выдавать партизан. Умерла она в страшных муках или, вернее сказать, от них, а перед смертью поклялась отомстить, и крик её был слышен на много километров вокруг. С тех пор, говорят, она и бродит по этому лесу – не может покоя обрести. Ищет, может, кого-то. Ну вот и не суётся туда никто. А ближе к вечеру – так и сюда тоже...

Всё это время лицо Олега было настолько мрачным, что ребята слушали его, затаив дыхание. Несколько минут длилось абсолютное молчание, от которого звуки леса стали слышны чётче и громче, как будто лес, окружавший их с трёх сторон, подступил ещё ближе и навис над ними своей ехидно шелестящей массой. Наконец Максим громко и возмущённо сказал:

– Кто такую чушь только придумал?

Олег оторвал взгляд от костра и улыбнулся. Как-то странно улыбнулся, потому что мышцы под этой его улыбкой прямо-таки дёргались от напряжения, и, несмотря на всё его умение владеть собой, было видно, что он едва сдерживается от взрыва смеха.

– Я, – очень сдержанно сказал он. – Только что...

Некоторое время они перваривали эту новость, и Олег, уже не сопротивляясь эмоциям, захохотал на весь берег. Тут же засмеялись и парни, а девушки облегчённо и всё ещё чуть оторопело вздохнули, – лес снисходительно отступил.

– Как я вас, а? – сквозь утихающий смех спросил Олег. – Как детишек.

Максим вдруг вскочил с места и с воплем кинулся на него. Дамир последовал его примеру, но Олег с ловкостью зверя метнулся к реке и стрелой ушёл в воду. Парни вернулись к огню: в воде за Олегом, находящимся в апогее хорошего настроения, было не угнаться.

Заключением к этому беспечному, исполненному летним солнцем дню, стал вечер, проведённый в местном клубе, куда Олега, а с ним и его друзей, пустили бесплатно, по знакомству. Громоподобный поток электронной музыки, круговерть разноцветных огней, заставляющих забыть о свойствах окружающего пространства, струи декорационного дыма, резко бьющего в ноздри, и прочее-прочее, что составляет атмосферу присущую подобным заведениям, вконец исчерпали последние силовые резервы молодых организмов, поэтому, вернувшись и уложившись спать, вся компания мгновенно уснула. И только один хозяин дома, выйдя покурить, когда все утихли, долго стоял на крыльце, размышляя над чем-то.

Эля встала раньше всех из четырёх друзей, пребывавших в гостях. Умывшись, а потом немного подумав и приняв душ, она хотела спросить Олега, что можно приготовить на завтрак, так как у неё, как навязчивая идея, возникло ощущение своего «нахлебнического» у него проживания. Но выяснилось, что хозяина уже нет в доме. Девушка вышла на улицу и, услышав какой-то металлический стук в гараже, направилась туда. Зайдя внутрь, она увидела Олега, сидящего перед непонятной конструкцией из деревянных реек, лежащей на бетонном полу.

– Олег, – тихо позвала она.

Он обернулся и поднял брови, показывая как внимательно её слушает.

– Приготовить чего-нибудь?

– Ну... попробуй. Продукты все в холодильнике.

Она постояла немножко, а потом спросила:

– А что ты делаешь?

– Вообще-то не хотел, чтобы об этом кто-нибудь узнал, пока не доделаю, – вздохнул он и опять улыбнулся. – Это, так сказать... очередной мой заскок. Крылья очередного моего заскока. Каприза. Вернее пока – только корпус, – в его голосе улавливался иронический привкус.

Губы девушки дрогнули, но она ничего не сказала, давая понять Олегу, что не поняла его.

– Ну в общем это дельтаплан, или что-то вроде того. Летательный аппарат конструкции Орлова, – усмехнулся он.

Элю это, естественно, изумило, и она спросила, изумлённо:

– И он будет летать?

– Посмотрим.

– А он... для людей? В смысле ему нужен пилот, или ты будешь управлять им с земли?

– Нет, придётся летать самому.

– Это ведь, наверное, опасно.

– Что ж, придётся рискнуть.

Девушка улыбнулась:

– А меня покатаешь?

– Только если с тремя парашютами.

Она засмеялась, а когда улыбка сошла с её лица, опустила глаза и задумалась.

– Ты что-то хотела сказать?

Она удивленно подняла глаза, затем снова опустила и проговорила в пол:

– Ты очень необычный человек.

– Почему? – с нескрываемым интересом спросил он.

– Ну... я просто никогда не встречала таких людей.

– Каких?

– Ну каких как ты.

Олег чуть усмехнулся.

– Если ты насчёт всех этих поделок, то это просто способ времяпровождения. Времени свободного с этим бизнесом почти не стало, тратить его на гулянки, как в старые добрые, – жалко, а с такой работой сам бог велел иметь подобные увлечения.

– Да не в этом дело. У тебя глаза... ты как будто видишь больше других, когда смотришь на что-то, – при этих словах брови Олега поднимались всё выше, а она продолжала, – И они у тебя грустные какие-то. Просто наполнены этой грустью. Даже когда ты смеёшься.

После этого его лицо помрачнело. Было видно, что это откровение затронуло какую-то внутреннюю боль, о которой он вряд ли хотел говорить. До этой девчонки с большими глазами никто так прямо и точно не говорил ему о нём самом. Но Олег постарался улыбнуться, чтобы не обижать её, и ответил с банальной усмешкой:

– Просто у меня лицо такое, – и добавил с весёлым намёком, – Что-то я проголодался.

Она, однако, не ответила на его улыбку взаимностью и повернулась, чтобы уйти. На лице её отобразились глубокие размышления о чём-то.

– Эля, – чуть обеспокоено окликнул он её.

Она оглянулась с тем же выражением лица.

– Ты на меня не обиделась?

Она, наконец, вернулась к действительности.

– А? Нет, конечно, – и улыбнулась.

Максим объявил, что, поскольку завтра они с сестрой ни свет ни заря уезжают, последний день нужно «оторваться по полной». Но Олег неожиданно резко возразил, что сегодня они проведут вечер в тихой домашней обстановке, так как ему завтра с самого утра необходимо быть в фирме, а «вам, бездельникам (это про Максима с Дамиром) только бы отрываться, да пьянствовать». Парни неуверенно заспорили, но Олег отрезал их возражения решительным «нет».

Но вечер этот, несмотря на то, что он прошёл дома, скучным никому не показался. Они сидели в маленьком уютном зале с кирпичной деревенской печью, смотрели телевизор и болтали о разных несерьёзностях под спокойное тиканье дешёвых ходиков, смотрящих свысока на молодых людей, для которых время, отмеряемое этим тиканьем, несло с быстротой падающей звезды. За окном сонно трещали кузнечики.

Олег с Максимом вышли покурить, оставив с девушками Дамира, которому курение, по-видимому, было категорически запрещено каким-то жёстким ультиматумом со стороны

Ксении. На улице уже поднимался лёгкий туман, который впоследствии должен был выпасть в утреннюю росу.

– Эля не хочет уезжать, – сказал Максим, выпуская изо рта клубы дыма.

– Почему? – задумчивые глаза Олега смотрели куда-то в темноту.

– Видать, понравилось.

Олег стрельнул окурком и повернул к другу серьёзное лицо.

– Ей нужно ехать. Завтра.

Максим нахмурился.

– Мне показалось, что она тебе понравилась. А ты то уж ей точно. Понимаешь... я желаю своей сестре добра. И нормального парня. Кого она найдёт лучше тебя.

Олег мельком про себя помянул добрым словом несколько бутылок пива, после которых Максима потянуло на такие откровения, но ни одна жилка его лица не дрогнула. Только в глазах его к привычной грусти прибавилось ещё что-то совсем уж безнадежно – серое.

– Если ты хочешь ей добра, то, пожалуйста, увези её завтра утром.

– Понять бы тебя хоть раз, – вздохнул Максим.

– А нечего тут понимать. Просто если она влюбится в меня, ей это ничего хорошего не принесёт, потому что я полюбить по настоящему не смогу, а притворяться, сам знаешь – не умею.

– Но ты хотя бы мог попробовать повстречаться с ней немного, может быть, что-нибудь и получилось бы, – Максим говорил это с большим сомнением, глядя в хмурое лицо собеседника. – А почему ты говоришь, что не можешь больше любить?

– Не знаю, не получается, – раздражённо ответил Олег. – И хватит об этом.

Олег в сердцах сплюнул. Он ненавидел вранья и ещё больше ненавидел тех моментов, когда приходилось врать самому, а тем более, – когда приходилось врать, чтобы не лезли к нему в душу. Не в том было дело, что он не мог любить. Мог, и ещё как мог и любил когда-то без памяти. Но никогда, ни один раз не принесло это ему ничего хорошего, как бы он этого не хотел. Скажи он сейчас Максиму такое, тот бы принялся его убеждать, что нельзя отступать перед такими «проблемами», что нужно бороться за своё счастье. И он бы не отступил, наконец, если б не знал наверняка, не пришёл бы однажды к выводу, что по-другому и быть не может. Что он просто *не может* любить и быть любимым, как не может прошедший день догнать протекающий. По своей сути, по образу мысли. Олег никогда не позволял себе говорить о таких вещах, – вещах, касающихся невидимого почти никем и уж тем более – никем не понятого стержня его внутреннего мира, поэтому, когда он, успокоившись, увидел лицо друга, и у него от выражения этого лица появилось невыносимое чувство вины, он произнёс коряво:

– Макс... извини. Ну любил я пару раз. Не получилось. Не хочу ничего больше... пока. А сестра твоя – она удивительная девушка, и заслуживает большего чем просто снисходительности в отношениях. Уговори её ехать завтра, пока её симпатия не переросла в... Я тебя прошу.

– Как знаешь, – вздохнул Максим.

Эля, которой Максим объяснил, что у Олега на предприятии накопилось очень много работы, и что Олег всю следующую неделю будет вкалывать, а Ксюша с Дамиром остаются только чтобы помогать ему по дому и, следовательно, с завтрашнего дня никакого веселья уже не будет, ни слова не возразила против, хоть и видно было, как ей не хочется уезжать. Поняла, может, что-то, подумал Олег, когда Макс рассказал ему об их разговоре с сестрой. Очень уж проницательная девочка. Расстроится теперь. И ещё он мельком подумал, что, может, и стоило бы ещё раз попробовать, но тут же отогнал от себя эту мысль.

И именно так и закончился бы этот уик-энд для друзей, если бы не одно странное событие.

Перед самым сном, когда Олег решил, что пора укладываться, Ксюше вдруг захотелось сока и они с Дамиром решили прогуляться до магазина, а заодно подышать свежим воздухом. Эля отправилась с ними – ей непременно нужно было что-то купить Олегу в благодарность за гостеприимство, раз уж «от тебя, Максик, этого фиг дождёшься». Макс и Олег остались одни за кухонным столом, разговаривая так... ни о чём. Повспоминали прошлые годы, институт. Их беседа была настолько мирной спокойной, что оба не сразу смогли вернуться к действительности, когда как-то шумно и неожиданно в доме оказались испуганная Ксюша, озадаченный Дамир и заплаканная Эля.

Из сбивчивых объяснений Олег и Максим поняли, что когда ребята дошли до магазина – небольшой круглосуточной лавки, встроенной в угол жилого дома, Эля осталась на улице, и вскоре после того, как Дамир с Ксенией скрылись в здании, она заметила тёмный силуэт между дальним углом дома и каким-то гаражом. Тихий голос окликнул девушку. Вокруг было не так уж темно и безлюдно, и Эля не побоялась заговорить с незнакомцем:

– Что?

Силуэт неизвестного чуть приблизился, и Эля разглядела на нём тёмный длинный плащ и обширный капюшон, низко надвинутый на лоб.

– Ты знаешь Олега Орлова? – шипящим голосом спросил незнакомец.

– Да, а что? – уже с лёгкой, но нарастающей тревогой спросила Эля. Собеседник являл собою что-то необычное, но что именно, она пока не понимала.

– Мне нужно будет увидеть его... Вскоре. Передай ему о нашей встрече. Скажи такие слова: «секрет Арагдоса и Веретено снова накрыла тень опасности».

– Почему бы вам самому не сказать ему об этом, – уже совсем тревожно и от этого чуть грубо ответила Эля.

– Потому что ещё не время, – резко сказал незнакомец и откинул капюшон.

За миг до этого девушка затаила дыхание, словно от какого-то предчувствия, а когда увидела его лицо, крик ужаса огласил готовящийся ко сну квартал. Тут же из магазина выбежали Дамир и Ксения, и Эля стала сбивчиво объяснять им, что произошло, показывая в сторону тёмного угла. Но странного незнакомца там уже как будто и не было, не обнаружился он, даже когда молодой человек, напряжённо сжав в кармане руку в кулак, обошёл весь тёмный участок.

Теперь Эля сквозь слёзы и испуг сдавленным голосом объясняла друзьям, что её так ужаснуло:

– Его лицо... оно... н-не похоже на человеческое... Какие-то звериные глаза. Горящие... Это просто надо было видеть, – и она совсем расплакалась, уткнувшись лицом в Ксюшино плечо.

Снова атмосфера стала какой-то напряжённой и тревожной, как тогда в лесу, когда Олег рассказал историю с приведением. Над кухней, в которой они сидели, нависло тягостное молчание.

– Странно всё это, – наконец заговорил хозяин, чьё лицо было совершенно спокойным. – Странно, но никак не страшно. Какой-нибудь дурак, – продолжал он, а сам в это время подумал, что каким же для этого нужно быть дураком. Дураком из дураков надо быть... – Напялил маску, узнав, что у меня гос...

– Это не маска! – перебила его Эля. – Ты бы видел...

Олег задумчиво посмотрел на неё, а затем упёрся невидящим взглядом в стол, уйдя куда-то в самого себя.

– Нет, это всё *очень* странно, – сказал мрачный, а оттого казавшийся ещё более смуглым, Дамир.

Максим спросил подозрительно и как можно осторожнее:

– Эльк, а ты это самое... не перепила?

Девушка злобно вскинула полные слёз глаза, в которых яснее ясного читался красноречивый ответ, и брат только развёл руками, ничего не ответив.

– Эль, повтори пожалуйста, что он просил передать мне, – попросил Олег.

– Что-то вроде: «Секрет Ар... Арагдоса и веретено снова в опасности». Или что-то вроде этого, я ведь точно не помню, он сразу после этого... открылся.

– Ладно, – вздохнул Олег. – Когда-нибудь это всё равно выяснится, а утро вечера мудренее, тем более что утром мне на работу, а вам с Максом – на вокзал.

Максим нахмурился.

– Олег, я думаю, что завтра мне лучше не ехать.

– Почему?

– Да по кочану. Тебя тут какие-то черти ищут, а мы со спокойной душой домой поедем?

– Да! – уже без слёз встрепенулась его сестра.

Олег иронически засмеялся.

– Господи, да что со мной может случиться?

– А хрен его знает, – ответил Макс. – Но мы ведь всё равно так просто уехать не сможем.

Олег обречённо вздохнул, но всё же было видно, что он рад такому повороту событий, хотя в то же время в глазах его промелькнула едва заметная озабоченность, о причинах которой мог догадаться разве что Максим, который в данный момент, впрочем, вряд ли всматривался в лицо друга.

– Хорошо. Посмотрим, что там завтра будет, – сказал Олег. – А теперь всем спать. Всякие там нелюди вряд ли дадут оправдание моего опоздания на завтрашнюю встречу.

Он дал Эле таблетку успокоительного и поутешал её немного перед сном, а затем и сам отправился на боковую, но долго ещё не мог уснуть, впрочем, как и все в этот вечер. Странная тревога и предчувствие непонятно чего, каким-то непостижимым образом примешанные к привычной тоске, казалось, уже забытой, наполнили его сердце, заставив терзаться всю ночь. Заснул он очень поздно, когда на улице уже начало светлеть, и первые звуки утра стали доноситься в открытую форточку.

На следующий день Олег поднял всех рано, как раз перед тем, как отправиться на работу, и раздал друзьям небольшие поручения, касающиеся в основном уборки и приготовления еды, до его прихода. Теперь всем было уже не до отдыха, и настроение постепенно стало каким-то тоскливым, так как с утра небо уже было затянуто серыми лохмотьями туч, не предвещавших ничего хорошего.

На встрече с будущим клиентом, Олег был полностью поглощён обсуждением сделки и старался не вспоминать о вчерашних происшествиях. Когда рабочий день кончился, он решил, не дожидаясь автобуса, вызвать такси, чтобы поскорее добраться до дома. Вечером они опять сидели в зале и ничего не делали, но обстановка была не такой уютной и домашней как вчера. Олег пытался уговорить Максима с Элей ехать домой, но не потому что он сам хотел этого, просто понимал, что у них тоже есть свои дела, и нет лишнего времени.

– Ну что может со мной случиться? – повторял он. – А если и случится, чем вы мне можете?

– Так ведь дело не в этом, – спокойно возражал Максим. – Мы просто беспокоимся за тебя.

Олег только грустно усмехнулся.

Прошло два дня и ничего нового не происходило, и от этого становилось только скучнее. Таинственные гости больше не появлялись, а погода была всё пасмурнее, что означало, что начинается короткий сезон дождей, сменяющий каждое неожиданно наставшее потепление

в начале нового лета. Друзья Олега уже начали подумывать об отъезде, когда произошла новая встреча с ночным гостем.

Однажды вечером, когда половина гостей Олега засыпала, сидя перед телевизором, а другая половина уже откровенно спала, хозяин, имевший обыкновение работать в гараже по ночам, когда ему не спалось, в очередной раз отправился ваять свой незаконченный летательный аппарат. Закончив, около часа ночи, Олег, уже зевая, отправился домой. Запирая дверь гаража на ключ, он почувствовал за спиной чьё-то присутствие. Такое бывало с ним и раньше, когда кто-нибудь бесшумно оказывался у него за спиной, но никогда он ещё не ощущал при этом странной какой-то ничем не обоснованной тревоги. Олег резко обернулся и столкнулся с ним лицом к лицу. Угрюмое лицо Олега мгновенно приобрело выражение, которое вряд ли могли наблюдать даже его друзья, знакомые с ним уже многие годы.

Да, это существо, или кто он там был... В общем точно не был человеком. Особенно выделялись глаза. Они были скорее кошачьими, с узкими щёлками зрачков на фоне жёлтой радужной оболочки и каким-то невиданным разрезом. Глядя в эти глаза, подчёркнутые острыми хищными скулами невозможно было понять о чём этот тип думает, невозможно было не поверить в стопроцентную «натуральность» этого фантастического лица, невозможно было заставить себя оторваться от них и размышлять, наконец, здраво.

– Здравствуй, Олег, – негромко, бархатным завораживающим голосом произнёс странный гость, и Олег заметил его острые звериные зубы.

Непонятный озноб прошиб Олега, когда незнакомец заговорил, но он был вызван не страхом, – первый, внезапный страх ушёл почти, и теперь его охватило какое-то совсем незнакомое чувство, как будто с самой глубины, с самого дна души его смахнули лежавшую там пыль, задев поверхность холодными когтями.

– Ты кто, леший тебя побери? – хрипло спросил Олег, даже не пытаясь скрывать волнение.

Незнакомец молчал, и Олегу показалось, что он мучительно пытается прочитать что-то в его, Олега, лице. Он тоже почему-то не смог больше ничего сказать – какой-то ком встал в горле.

– Ты ничего не помнишь? – спросил, наконец, незнакомец.

Ледяные тиски сжали сердце Олега ещё сильнее и в голове понеслись какие-то... не мысли даже, а обрывки мыслей, ни за один из которых он не мог зацепиться.

– Какого хрена, я должен помнить? – Олег внезапно разозлился на себя, на то, что с ним происходило.

– Когда-то ты был другим. Когда-то давно, – голос гостя был каким-то гипнотизирующим, заставляющим расплываться в чём-то сказочном, необычном. – Сейчас не время для такого разговора, да и ты вряд ли готов, – продолжал он. – В ближайшем, удобном для тебя времени нам нужно будет встретиться. Когда?

– Зачем нам встречаться? – зло спросил Олег.

– Затем, чтобы ты узнал о себе правду. Тебе разве никогда не казалось, что этот мир не твой? – при этих словах Олег потерял дар речи и теперь округлившимися глазами смотрел на незнакомца, не в силах произнести ни слова. А тот между тем продолжал, и в глазах его теперь читалась какая-то горечь. – Мы искали тебя двадцать с лишним лет... Двадцать лет я ждал этой встречи.

И всё. Тишина. Только утихающий стук тяжело бьющегося сердца. Затем в доме скрипнула дверь, и на крыльцо кто-то вышел, – кажется, Максим. Олег, всё ещё находясь в ступоре, взглянул в ту сторону, а когда обернулся, незнакомца уже не было – как призрачное виденье он растворился в ночи.

– Олег, – крикнул Максим, щёлкая зажигалкой.

Лишь через какое-то время тот смог усилием воли оторвать взгляд от тёмной пустоты и на ватных ногах направился к дому.

– Ты где пропадаешь?

– Да так, в гараже, – Олег всё никак не мог прийти в себя, а с таким лицом друг видел его впервые.

– Ты чего? – Максим схватил его за плечи

– А? Что? – Олег, наконец, заставил себя забыть о последних десяти минутах своей жизни. Самых странных десяти минутах своей жизни.

– Да-а, метеорит увидел, – соврал он.

– Где?

– Там.

– Ну-ну.

– Дай закурить

– На.

Они молча покурили и пошли в дом. На пороге Олег задержался и, оглянувшись, крикнул в ночь:

– В пятницу! В восемь вечера!

– Что? – удивился Максим, шедший впереди.

– А? Да нет, ничего. В пятницу погода должна, наверное, наладиться.

Друг пристально посмотрел на него.

– Ты ничего не это, не долбанул?

– Угу, сигарет твоих.

В эту ночь он не спал. То, что сказал ему сегодня этот... Кто же он всё-таки такой? Откуда мог знать о том, о чём не догадывались самые близкие ему люди? А вдобавок ещё и Макс с сестрой уезжают. А вскоре и Дамир с Ксюшей. И снова он будет один. Нет, не один, конечно, приятелей у него и здесь хватало, но всё-таки... Всё-таки в душе он всегда будет один, как, быть может, никто другой в этом мире. Отвергнутый элемент бесчувственного мира.

В последнее время он как-то уже привык справляться с этим – работа, учёба, отдых – постепенно, он вроде бы научился *подстраиваться под жизнь*, как пресмыкающиеся, подстраивающиеся под климат, хоть и нельзя сказать, что принял её правил и научился по ним жить. Так стало легче, намного легче, чем тогда, в самом начале...

Хотя когда произошло это начало? С переездом в город? Со смертью приёмного отца? Или же с самыми первыми его попытками задуматься над смыслом своей убогой жизни ещё в интернате? Скорее всего началось это в тот момент, когда он вообще стал впервые осознавать себя как личность.

Попав в город, пусть и небольшой и не со столь неприкрытыми всеми его дешёвыми «ценностями», к которым стремилась сама жизнь, разгребая перед собой горы мерзости и безразличия, он уже тогда стал ясно понимать, как этот мир несовершенен, глядя на всю его грязь и несправедливость. Конечно, тогда он мало в чём разбирался и не располагал ни теориями, ни большим желанием разобраться в природе всё нарастающей неприязни почти ко всему, что окружало. Его непроизвольно всё больше передергивало от некоторых вещей, которые другие просто не замечали. Те годы его жизни были наполнены самым большим количеством драк, приводов в милицию и скандалов с учителями в школе. Тогда он не умел ещё сковывать в себе умоляющие позывы собственной души при виде чего-то для неё просто неестественного. Помнится он побил одного своего сверстника только за то, что тот оторвал ящерице ногу, просто так, забавы ради.

Когда он чуть повзрослел, ему всё больше, как навязчивая идея, стала лезть в голову мысль, что весь этот мир вокруг, он какой-то неправильный, ошибочный, что ли, в общем – не его мир. Хотелось уйти куда-нибудь далеко-далеко, в какую-нибудь сказочную страну, где он не будет видеть всей этой лжи, всего этого, прикрытого липовыми эмоциями, чувствами, любовью, дружбой, красотой, как, опрысканного сильнодействующим дезодорантом, смердящего обмана. Но, когда он оставался один, становилось ещё хуже, потому что приходило понимание, что не только в людях дело, но и в самой жизни, её сущности и больше всего – в нём самом, поэтому в какой-то момент, он начал сомневаться в нормальности своей психики. Это всё и было причиной тому, что он постоянно стремился быть с людьми, казаться весёлым и общительным, стремился стать центром внимания, хоть никогда и никому в жизни не открывал и малой доли своей души.

Потом была ещё пара случаев с неудачной любовью, после первой, детской, и всё стало ещё хуже. В те времена он впервые попробовал спиртное, сигареты... И вроде жизнь продолжалась, как пытался внушить он сам себе, и солнце светило также, но между тем всё вокруг становилось всё серее и тоскливее. Он окружал себя ещё большим кругом общения (это ему почему-то всегда удавалось легко), но между тем ясно давал понять, кто ему друг, а кто нет. Однако это несколько не помогало, и никто не видел в его глазах какую-то большую тоску и борьбу с самим собой, все считали его весельчаком и душой компании.

Шли годы, а ему всё больше хотелось уйти в какой-то другой мир, забыться, отречься от этой жизни, в которой он мало что видел, а того что видел хватало понять, что она его не принимает, эта жизнь, таким какой он есть. Иногда он даже думал о самоубийстве, но до этого, конечно, не доходило, так как он всё же понимал, что нужен ещё кому-то.

Поступив в институт и попав в город гораздо больший, чем Громянск, Олег беспробудно запил, пытаясь таким образом забыться. Но от этого становилось только хуже, так как в пьяном угаре все эти мысли кололи и резали ещё больней, единственное, от чего спасала водка, так это от версии о шизофрении, – вот только почему, было непонятно. «Ну, зачем мне... в-ваша долбанная жизнь нужна?» – спрашивал он неизвестно кого, оставшись в нетрезвом состоянии наедине с самим собой. – «Зачем я, чёрт возьми, вообще родился. Да и пошли вы все... с вашим благополучием, с планами вашими на жизнь, с интригами... да вообще со всем этим дерьмом, которое называете жизнью...». Новых своих общаговских приятелей, которые якшались с ним только во время попок, он нередко бил, совсем потеряв способность мыслить и уже до слёз обозлившись на жизнь и на подобных людей, которые эту жизнь («такую» жизнь, и жизнь вообще) очень любили. Дошло уже почти дело и до наркотиков, но как раз в это время встал ребром вопрос об его отчислении, который, быть может, его и спас.

Теперь, после сегодняшней странной встречи, на Олега опять всей тяжестью обрушилось его одиночество, и зануло, заскулило в груди, словно старая рана. И почему же это состояние так настойчиво напоминает о сегодняшнем госте, благодаря которому оно и появилось? Смутные, невероятные не догадки даже, а их зародыши всё больше начинали шевелиться в его голове, не позволяя сердцу успокоиться. Память, напрягаемая до головной боли, что-то пыталась подсказать, подсунуть какие-то обрывки фраз, картин из прошлого, похожего больше на смутный детский сон, из тех, что иногда всплывают в подсознании и тут же теряются, оставляя за собой только тщетные попытки разума вспомнить хоть что-нибудь из этой нереально далёкой, почти прошлой жизни.

К пятнице Олегу всё же удалось спровадить своих друзей, убедив их, кажется, что ему ничего не угрожает. Один лишь Дамир, который до этого намного менее остальных принимал участие в попытках уговорить Олега, а только отрешённо думал о чём-то своём, теперь вдруг пристал к нему с предложением «помочь чем-нибудь», хотя, по-видимому, сам не представлял,

какая от него может быть помощь. Олег так и сказал, а Ксюша повторила раз пять. В конце концов, Дамир как-то грустно вздохнул, глядя на Олега, так словно тот делал самую большую ошибку в своей жизни, и они отправились на вокзал. По пути Олег смеялся, шутил и болтал о разных глупостях, ничем не выдавая своей тревоги и нетерпения перед сегодняшним вечером.

– Приезжайте, – говорил Олег с каким-то блаженно-мудрым выражением лица, когда автобус подошёл к платформе, и началась посадка. – Как только появится время.

– Обязательно. Ещё попьём твоей кровушки, – широко улыбался Макс, пожимая руку друга.

Последней вошла в автобус Эля, и когда она, обернувшись, с грустью сказала «пока», Олегу опять сделалось нехорошо на сердце. Ну вот, подумал он, ещё одна царапина на сердце, которая покроется со временем коростой прожитого, но будет время от времени зудеть. И её придётся смазывать компромиссами с собственной совестью. Сколько же их таких уже? И сколько ещё будет...

Автобус с машущими весёлыми и беззаботными, бесконечно дорогими его сердцу друзьями тронулся и, быстро набирая скорость, вскоре исчез за углом ближайшего здания. Олег посмотрел на часы. Половина шестого. А я назначил в восемь. Что ж, недолго осталось ждать. И интересно, что меня ждёт? Как к этой встрече готовиться? Надо было назначить пораньше, думал Олег, мысленно укоряя себя за то, что не назначил пораньше. А ведь всё-таки это смешно. Чего я жду? Что откроется мне великая истина? Ну, пусть не великая, но всё же откроется. Но почему именно этого я жду больше всего? В такой неправдоподобной ситуации, я, почему-то, жду самых неправдоподобных вариантов объяснения, когда наиболее вероятными кажутся совсем простые и прозаичные, – кто-то просто прикалывается, кто-то сюрприз мне хочет преподнести (интересно, какой? – неважно!), быть может, кто-то хочет аферу какую-нибудь проверить. Почему, только, таким странным образом. Ну, да вопрос не в этом. А в чём же? А. Почему мне так хочется верить в какой-то сверхъестественный исход этой истории? Непонятно. И каково же, наверное, будет моё разочарование, когда я узнаю правду. Всё равно ведь разочаруюсь, хоть и знаю об этом.

Олег уже заходил в дом. По пути с вокзала, он купил кое-какие продукты и решил пока заняться приготовлением еды. Он старался думать как можно меньше, благо занятые чем-то руки способствовали этому, как ничто иное. На кухне скворчала сковорода, и на высокой ноте орал телевизор. Олег постепенно погрузился в эту среду домашнего уюта и совсем забыл о времени, растворившись, так сказать, в мирской суете. Именно поэтому в тот миг, когда запиликала традиционная музыка из заставки программы «вести», и одновременно с ней раздался стук в дверь, Олега словно окатило холодной водой. В миг на кухне наступила тишина, – он просто на какое-то время перестал замечать все посторонние звуки. И в этой тишине, как гром среди ясного неба, был слышен стук его сердца, которое, кажется, заставляло своими ударами вибрировать пол и стены.

Олег постепенно пришёл в себя и направился к двери. Секунду он колебался, как бы подготавливая себя к тому, что сейчас увидит и испытает тот же шок, что и при первой встрече, а затем открыл дверь.

Шока не было. На него смотрели спокойные, умные, не человечьи, конечно, но какие-то вселяющие покой глаза. На лоб гостя, как и прежде, был надвинут чёрный капюшон. Олег отошёл в сторону, пропуская этого... – он не смог подобрать слова. Сразу за первым «этим» стоял второй, в таком же плаще и с таким же капюшоном. И с таким же, на первый взгляд лицом, которое при более детальном рассмотрении оказалось несколько иным. Но несомненно оба этих... существа были представителями одного, так сказать, вида, – Олег мельком успел удивиться и даже посмеяться над ходом своих мыслей, прежде чем порог перешагнул третий. Перешагнуло...

Больше всего это напоминало смесь гигантского скорпиона и гигантской же ящерицы. Что, впрочем, не мешало ему напоминать и кентавра. Четырёхрукого кентавра. В высоту существо достигало не менее двух с половиной метров, а его загнутый скорпионий хвост, заканчивающийся блестящей пикой, задевал потолок, который в доме был далеко не низким. Тело существа состояло как бы из двух половин – одна располагалась вертикально, другая – горизонтально. Обе половины были соединены под прямым углом, и из одной из них росли ноги, отдалённо напоминающие лапы ящерицы, только намного стройнее, а из другой, – наверное, руки, заканчивающиеся неким подобием клешней, но невероятно изящного вида. Голова чудовища была точь-в-точь как у ящерицы, вот только глаза были абсолютно красными, без белка.

Существо было, в основном тёмно-коричневого, в некоторых местах даже чёрного цвета. Спину странного гостя покрывали большие, на вид очень твёрдые пластины цвета морской волны. Того же оттенка были «клешни», «жало» и небольшие рожки на голове. Ничего подобного Олег в своей жизни даже не представлял. Невозможно было усомниться в том, что это существо живое, а может даже и разумное, – настолько мудро глядели его кроваво-красные глаза, в которых смутно угадывались зрачки и радужная оболочка.

Но всё это Олег отметил для себя намного позже. Пока же он тупо разглядывал смотревшего на него монстра, не в состоянии элементарно закрыть дверь. Да не то что закрыть дверь, – кажется, он разучился думать и лишь смотрел в глаза своего невероятного гостя – настолько сильным было первое впечатление, схожее с ударом электрического тока, причём впечатление это носило характер отнюдь не пресловутой человеческой ксенофобии и боязни всего ненормального. Когда же первое впечатление слегка остыло – окончательно оно, видимо, остыть не могло, хозяин лишь с трудом выдавил «проходите» и, боком обходя чудовище, в глаза которому отчего-то так и подмывало заглянуть, отправился закрывать дверь.

Что ж за дела то такие, мысленно спрашивал сам себя Олег, всё никак не попадая ключом в замок, чертыхаясь и думая совсем не о замке. Кто ж вы такие, лешего вам в печёнку! Мутанты икс (ему даже смешно стало)? Инопланетяне? Вампиры, кто там ещё есть из всякого рода нечисти, дьявол её заведи к чёртовой прабабушке на кулички...

Наконец он запер дверь и, не спеша, повернулся. Его странные гости толпились в прихожей. Особенно толпился последний. Ладно, посмотрим, сказал сам себе Олег, пытаясь унять дрожь в руках и ногах.

– Проходите, – повторил он и, стараясь не касаться чудовища, протиснулся мимо гостей. – За мной, – прохрипел он. – В зале больше ме... места.

Человекоподобным гостям Олег предложил кресла. Что предложить третьему, он не знал.

– Можно, я присяду на пол, – вдруг человеческим голосом заговорило чудовище, отчего Олег чуть не подпрыгнул. Он хотел ответить, что можно, но язык не шевелился, а горло только издало гортанный звук.

Тот, кому Олег назначил встречу, сделал какое-то движение рукой и чудовище село на пол, подогнув под себя ноги. Теперь, хотя бы не приходилось смотреть на него снизу вверх.

– Тебе не кажется знакомым никто из здесь присутствующих? – произнёс первый, – Олег условно называл их так про себя, – первый, второй и третий, по мере того как они входили в дом.

– Нет, – Олег, наконец, обрёл дар речи.

– И даже его? – Первый указывал на третьего, и Олег вновь встретился с ним глазами и постарался не отводить их.

– Нет, – ответил он

– Плохо, – вздохнул первый. – Затруднительно и... как-то печально. А между прочим это, возможно, последнее лицо, которое ты видел тогда.

– Когда тогда?

– Стоит, наверное, рассказать тебе всё по порядку. Аккуратно и не торопясь. Только вот с чего начать?

– Пусть спрашивает, – вмешался и впервые заговорил второй. Голос его был преисполнен какого-то холодного благородства.

– Что бы ты хотел узнать? – кивнул первый.

Олег хотел спросить очень многое, и первый вопрос должен был прозвучать не иначе как: «какого хрена?». Но внезапно, неожиданно для самого себя, он спросил:

– Почему тогда, при первой нашей встрече, ты спросил у меня, не кажется ли мне этот мир не моим?

– А у тебя такое бывает?

Олег задумался. А зачем он, собственно должен изливать душу этим созданиям. Использовать меня что ли пришли, вербовать? Лучшим друзьям не говорю, что у меня на душе, а им, видите ли, скажи.

– Бывает

Гости переглянулись. Никто из них не произнёс ни слова, но, казалось, что между ними состоялась целая дискуссия – столько смысла было в их быстро сменяющихся взглядах и выражениях.

– И что это значит? – спросил Олег.

– Твой вопрос, как и любые последующие вопросы, которые нетрудно предугадать, всё равно, по-видимому, приведёт к объяснению всей сути дела, состоящей из обстоятельств, цепляющихся друг за друга подобно звеньям в цепи. И чего не коснись в данном предмете, всё равно придётся рассказывать тебе всё по порядку, с самого, что ни на есть начала. Но в связи с этим возникает несколько затруднений, которые мы обозначили как первородные. Первая из них и тебе понятная – это то, что мы не уверены, что нам нужен именно ты, – он пристально посмотрел на Олега. – Мы просто могли ошибиться.

Олег ждал. Он постепенно пришёл в себя, и вполне мог уже мыслить трезво, благодаря чему его голова была полна множеством бессвязных, незаконченных мыслей.

– Меня зовут Даррав, – начал медленно первый. Олег посчитал, что именно так, с двумя «р» нужно произносить его имя. Впрочем, любое слово, содержащее эту букву, Даррав произносил с некоторым... Олег не знал как это назвать. Даррав и его сородич не картавили, а как-то протягивали букву «р» больше, чем следовало.

– Даррав, – повторил тихо Олег. – Моё имя вы, вроде бы, уже знаете.

– Да... – Даррав, видимо, хотел сказать ещё что-то, но передумал и, помедлив, сказал нечто другое. – Это Дгароув, – он указал на второго. – Он один из наследников Арагдоса, – при этих словах он посмотрел на Олега так, будто ему, Олегу, это непременно о чём-то должно было сказать.

– Очень приятно, – ответил невесело Олег, разглядывая Дгароува, незаметно откинувшего капюшон и обнажившего при этом красивую голову, с которой ниспадали на плечи густые прямые волосы рыже-красного, коричневого почти оттенка. Сквозь эти волосы были видны кончики заострённых кверху ушей. Может, они эльфы, с иронией подумал Олег. Хотя нет, для эльфов слишком уж звериные у них лица. Страшные. И красивые вместе с тем.

– Профессор Лонто, – продолжал Даррав, указывая на чудовище, возлежавшее на полу. – Руководитель... проекта биотроционных операций, – Даррав снова значительно посмотрел на Олега. – Он карок. Арнарортин с планеты Арнарорт системы звезды Арсар.

Лицо Олега исказилось. Он стал похож на человека, изображающего ироническую пародию на сумасшествие – так он мысленно отметил, попытавшись глянуть на себя со стороны. Он закрыл лицо руками и начал его тереть, как будто только что проснулся, пытаясь сдержать нервный ненормальный смех над нелепостью ситуации. Всё-таки инопланетяне, подумал он. А все думали, что они зелёные человечки. А может у меня крыша едет? Или у них.

– Почему я должен вам верить? – спросил он, резко отняв ладони от лица

– Постарайся хотя бы проникнуться. Следи за своими мыслями и памятью, по мере того, как я буду рассказывать. Эта история долгая, поэтому просто расслабься и доверься голосу своего сердца, души, – Даррав был, похоже, серьёзен, как никогда.

Олег откинулся на спинку кресла, а Даррав заговорил:

«Давным-давно, когда не было ещё ни королевств, ни союзов, ни тайных сил, когда не было системы веретена, когда отдельные миры существовали, не взаимодействуя и не оказывая влияние друг на друга, а имели связь между собой лишь цивилизации Арнарорта и звезды Эрны, жил на Первом Тонке один рунг. Рунги – это мы с Дгароувом, обитатели системы Эрны».

– А что такое Тонк? – спросил вяло Олег. Всё происходящее казалось ему всё больше терявшим свою реальность и правильность.

– Тонки – это планеты, которые вращаются вокруг Эрны. У каждой из них есть своё название, но это пока не важно. Всего их четыре. Так вот, Арагдос был великим учёным, который знал в те далёкие времена многие тайны мироздания, некоторые из которых неизвестны и по сей день, – он унёс их с собой в могилу. Ну, например, он мог путешествовать между звёздами, хотя невозможно себе представить, как он это делал, потому как никто и никогда не трассировал межзвёздные пути без корабля, а корабли в те далёкие времена меж звёздами ещё не летали.

В конце своей жизни Арагдос поселился на отдалённой планете в радиальном секторе Веретена (Веретено – это наша галактика, Млечный Путь, как её здесь называют). Последние свои годы он посвятил созданию метамонад – веществ, кинетическая энергия которых практически не ограничена и питается от неизвестных до сих пор источников, как считают сподвижники некоторых теорий, трансцендентных. Предметы, изготовленные из метамонад, на первый взгляд не отличающиеся от обычных металлов, обладают уникальным свойством «игнорирования воздействий», которое заключается в абсолютном отсутствии реакции на любые воздействующие факторы.

В заключение своих работ Арагдос изготовил из полученного сплава метамонад шестнадцать клинков, лезвия которых имеют толщину всего в несколько молекул. Клинки эти (зовутся они апуэрдами) настолько тонки, что повернутые ребром практически не видны. Но между тем их невозможно уничтожить даже прямым попаданием из крейсерной позитронной турели, что равносильно не одной тысяче ядерных взрывов. При этом толщина лезвий апуэрд позволяет им с лёгкостью разрезать практически любой материал, не являющийся сверхплотным, и со структурой, не поддерживаемой силовым полем.

Перед смертью Арагдос передал свои творения самым приближённым ему рунгам и забрал свою главную тайну с собой, оставив наследникам лишь возможность ломать голову над ней. С тех пор клинки передавались из поколения в поколение либо по наследству, либо тем, кому их хранители доверяли. Почти всегда они находились у рунгов, в системе Эрны и лишь изредка переходили к карокам.

Прежде чем продолжить, расскажу вкратце об истории наследия секрета Арагдоса. Пока не были изобретены средства перемещения между звёздами, апуэрды всегда оставались в системе Эрны. Рунги, хранившие их, чувствуя ответственность, возложенную на них, не могли вести привычный для данной цивилизации образ жизни и поэтому скитались по всем четырём планетам. Чаще всего они находились на втором Тонке – Паррисе, откуда и произошла вся цивилизация Эрны. Кроме того Парриса – основной культурный и дипломатический центр (фраза, на самом деле, мало отображает суть дела, так как понятия эрнийской и человеческой цивилизаций бесконечно различны). Но самое главное, – на Паррисе живёт раса разумных существ – эверутов, представители которых могут достаточно быстро перемещаться по всей планете. Хранители секрета Арагдоса нередко вступали с ними в союз, и те перевозили их куда надо. Со временем таких наездников окрестили драгунами (вообще-то, того слова, которым их

называли на наречии федерации, в русском языке нет, но тем не менее эклектируя некоторые понятия двух языков, можно получить именно такой перевод).

Так вот, в последнее время, – лет двести по земным меркам – после образования системы Веретена, когда одновременно несколько миров открыли пути друг к другу, как-то повелось, что всех существ, хранящих клинки Арагдоса, стали называть драгунами.

Немногие мечтали стать драгунами, так как жизнь хранителя целиком посвящена защите федерации и хранению клинка Арагдоса. А их приходится оберегать от тех, кто может использовать их в корыстных целях. Конечно, это не абсолютное оружие, а в битвах космических масштабов – вообще не оружие, но тем не менее существует вероятность, что прямой носитель секрета Арагдоса, попав в руки врага может быть разгаданным, а в таком случае война закончится не в пользу совета свободных миров.

Обязанность драгунов, – стараться улаживать конфликтные ситуации между враждующими сторонами. Драгуны – очень мудрые существа, знания которых иногда просто незаменимы. Они не всегда носят при себе апуэрды, точнее сказать стараются не держать их при себе, а используют – тем более лишь при крайней необходимости.

– Но что может сделать клинок против этой... протонной турели? – прервал рассказ Олег, который постепенно позволил своему воображению взять верх над здравым смыслом, всё больше погружаясь в тот далёкий сказочный мир, о котором говорил Даррав.

– Далеко не каждый вопрос решается турелью, – ответил задумчиво собеседник.

– А что это за война?

– Война между советом свободных миров, в который входят ещё несколько цивилизаций, кроме наших с кароками, и тайными силами, лидерами которых являются броненосцы – жители звезды Хга.

– А из-за чего началась эта война? – Олег уже забыл и о времени, и о странном облике своих гостей, и о собственных невзгодах. Ему сейчас, почему-то, очень важным казалось вникнуть в эту историю, по ходу развития которой, он всё больше ощущал непонятную необходимость дослушать её до конца, как будто после этого откроется что-то важное. Что-то очень-очень важное.

– Причин очень много, – вздохнул Даррав. – И все их перечислять не имеет смысла. Но самая главная из них – сравнительная непродолжительность существования системы. Большинство цивилизаций освоило дальние перелёты почти в одно и то же время, и оказалось просто не готовым принять такую разницу в особенностях миров. Начались разногласия, конфликты, и самые первые годы взаимодействия принесли самые нежелательные плоды.

Даррав замолчал. Олег молчал тоже, стараясь усвоить как можно больше информации. Наконец рассказчик продолжил:

«Однажды тайные силы каким-то образом узнали координаты планеты, на которой Арагдос открыл путь к созданию метамонад. До сего события это место было засекречено даже для учёных федерации (так она тогда ещё называлась, а сейчас – Сеаврия, – это вместе взятые Эрна и Арсар), но после того как стало известно о том, что для тайных сил больше не секрет, где находится Рава (так называется та планета), совет решил отправить туда драгуна, дабы он успел перехватить оставленные Арагдосом материалы, до появления на Раве тайных сил».

– А почему она была засекречена даже для своих?

– Потому как считается, что абсолютное оружие не может привести к добру, – Даррав ответил так, как будто сам он был с подобным утверждением не согласен.

«Жребий пал на Гектара, – при упоминании этого имени у Олега что-то пронзительно толкнулось в душе, и остановилось, будто на последнем вздохе. – Гектар, сын Роктара, – продолжал Даррав, – Отправился на Раву и забрал оттуда элемент, содержащий всю информацию о секрете Арагдоса. Но всю обратную дорогу в Сеаврию его преследовали корабли тайных сил и достигли-таки в конце пути, когда кароки были уже рядом. Почти у самой цели иол Гектара

был достигнут кораблями броненосцев и атакован мощными энергоимпульсами. В это время пришла подмога, и нападение было отбито, но Гектар был уже мёртв. Но, как потом выяснилось по отсутствию аварийного бота и самого груза, Гектар всё же успел спасти секрет от рук броненосцев, которые проникли на его иол первыми. Куда он отправил великую тайну, было известно только ему одному.

Как раз перед тем, как кароки захватили-таки иол Гектара, институт биотроционной физики объявил, что может спасти Гектара, если его тело доставят в лабораторный узел в течение определённого времени, которое шло тогда на миллисекунды. Космотрассеры и учёные сделали тогда почти невозможное, – ещё мгновение и профессор Лонто, – Даррав указал на карока, который за время всего рассказа даже не шелохнулся, – может и не успел бы провести операцию. Дело в том, что под действием поражающих импульсов, которыми воспользовались броненосцы, организм не умирает в прямом смысле этого слова, но, тем не менее, летальный исход становится неизбежным, потому как ментальная энергия души, как бы сворачивается в так называемое «третье состояние». Но это даже я не очень-то понимаю. Так вот Лонто успел поставить эксперимент по импульсному сопряжению квинтэссенции биотроционного поля Гектара с идентичным стационарным носителем. Иными словами, он нашёл для Гектара новое тело, физическую оболочку».

Даррав, замолчал, обдумывая, видимо, как продолжить повествование.

– То есть, иными словами, вы открыли бессмертие? – спросил Олег, который мучительно сопротивлялся лезущим в его голову диким, отторгаемым разумом, мыслям.

– Вряд ли. Такая операция была проведена впервые, в качестве эксперимента, удобного случая для которого, кароки ждали очень давно. И лишь при крайней необходимости – тайные силы тоже бросили все свои ресурсы на поиски автобота Гектара, и всё Веретено как никогда раньше всполошилось в погоне за главной тайной. А бессмертие... Совет Сеаврийской Ассоциации Научного Поиска давно пришёл к выводу, что мы не имеем нравственного права на такие эксперименты. И не имели права на тот. Кто знает, что ждало Гектара по ту сторону. И может ли душа прожить две жизни. И имеет ли она на это право.

– И нужно ли ей это вообще, – заговорил вдруг Дгароув, который доселе молчал.

– Да, – подтвердил Даррав. – А что касается бессмертия, то у нас верят, что душа бессмертна и без подобных научных достижений.

«Проблема теперь состояла в том, чтобы отыскать Гектара в его новом теле, после его второго рождения, ведь совершенно невозможно было сказать, где нашла пристанище душа Гектара, если она его вообще нашла. Почти пятнадцать лет (переводя наше время на земное), мы создавали устройство, способное уловить индивидуальный биотроционный код души в пределах расстояний примерно одной планеты. И всё это время велись поиски, как с нашей стороны, так и со стороны противника. Сначала мы думали, что Гектар должен был родиться в системе Эрны, ведь он был рунгом. Но мы не знали, насколько решающим фактором была физиология в данном вопросе. Поэтому поиски велись и на Арнарорте, ведь кароки очень близки нам в духовном смысле. Затем Великий Поиск продолжился на всех обитаемых звёздах. Собственно, пока не была изобретена установка, мы понятия не имели как и кого искать, была лишь небольшая надежда, что Гектар сам попытается дать о себе знать. Но этого не происходило.

И вот, четыре года назад профессор Лонто создал свою установку, и мы принялись проверять мир за миром, кропотливо и тщательно. Поиск осложнялся тем, что вёлся в строжайшем секрете. Наконец, совет проверил почти все возможные системы и не получил желаемого результата.

Оставалось далёкое и невзрачное Солнце. Вообще-то можно было предположить, что поиск на Гее нужно начинать сразу после Тонков и Арнарорта, но в Сеаврии хорошо известно, что земляне, несмотря на парадоксальное внешнее сходство, которое в Веретене вряд ли

где-нибудь ещё встретится, являются полной противоположностью рунгов. Солнце, если так можно выразиться о целой звезде, – это антипод Эрны. Но этого не знали тайные силы и все двадцать лет их корабли рыскали по Гее, в надежде отыскать драгуна, – он задумчиво посмотрел на Олега. От этих взглядов, которые он изредка бросал на него, Олегу становилось всё тяжелее держаться за нить сюжета, финал которого, несмотря на мучительные попытки убить в голове любые мысли, давно уже нарисовался и прочно засел в мозгах.

Полгода назад мы доставили на эту планету установку. И теперь нам кажется, что поиск закончен».

Даррав замолчал, и наступила такая тишина, в которой казалось, что тяжелые как камни мысли, переполнившие вдруг голову Олега, слышны всем, кто находится в комнате. Он весь прямо-таки скукожился внутри себя, не желая больше верить в происходящее.

– Даррав медленно, как в замедленном повторе, открыл рот.

– Это ты, Олег Орлов – драгун Гектар.

Олег устало уронил голову на ладони. Какое-то время он не мог думать вообще, – в мозгу ворочалась какая-то муть. Так не бывает, наконец, вздохнул он про себя обречённо. Такого просто не может быть. А может, это какие-то психи, которые сами не знают, что им нужно? Придумали такую историю. Но карок... Выколете мне глаза, если он не настоящий. Карок... как быстро я запомнил их термины. Только что-то я не припоминаю ничего. Чушь какая-то. Невозможно. Невероятно.

– Но я ничего не помню, – тихо и пробормотал он.

– Мы этого боялись. Но ты чувствовал всю жизнь, что весь этот мир, его законы, устои, стереотипы обходят тебя стороной и не замечают тебя, а ты всё больше понимал, что так и не найдёшь своё место в этой жизни, прожив до самой старости, упустив что-то важное где-то в начале.

– Откуда вы это знаете? – спросил Гектар обречённо.

– Мы лишь предполагаем. А ты решай, – верить нам или нет. Мы постараемся найти способ помочь твоей душе вспомнить прошлую жизнь и понять, кто ты на самом деле. Мы дадим тебе время подумать до завтрашнего вечера. Кто знает, может откровение придёт к тебе этой ночью.

Даррав дал Олегу какую-то таблетку, сказал, что нужно принять перед сном, затем все трое ушли, – Олег не заметил, как это произошло, всё было как в тумане. Он с трудом переставляя ноги добрался до спальни и повалился на кровать. Несмотря на невероятную усталость, он долго не мог заснуть. А ведь, в принципе, это вполне всё объясняет, думал он. И уже не кажется таким невероятным. Просто неожиданно как-то. Но почему тогда ничего не вспоминается? Можно ведь всё понять до конца и привыкнуть к этому, но это ведь не приведёт к осознанию. Нет, ребята, слишком поздно вы прилетели. Лет пять назад я поверил бы вам без оглядки и с головой бросился бы в ваш мир. А ведь думал же когда-то о таком, вдруг вспомнил он. И воображал, что если явятся они и предложат билет в один конец, отправлюсь не раздумывая. Это было совсем давно, когда жизнь казалась совсем безнадёжной. А сейчас... Олег мельком пролистал в уме последние годы, словно записную книжку. Сейчас я уже привык ко всему и почти научился жить по правилам этой второй (господи, неужели?) жизни. Человек со временем утрачивает веру в чудеса, и я разучился. И вряд ли я оправдаю их надежды. И вряд ли спасу мир, через боль усмехнулся Олег и заснул.

Проснулся он очень поздно, был почти полдень. И первой мыслью всё ещё не отошедшего ото сна разума было предположение о том, что всё произошедшее вчера, – не что иное как дикий сон. Но, постепенно ощутив приятный и совсем чужой запах пришельцев, он убедился в реальности вчерашних событий, воспоминания о которых всплывали, как будто сквозь

многие годы. Однако воспоминания из прошлой (прошлой!) жизни так и не появились. Даже наоборот – всё о чём шёл вчера разговор, стало для него намного дальше. Если вчера, слушая фантастическую историю о сказочном мире, мысленно он погружался в этот мир, и мимо него проносились картины, рисуемые завораживающим голосом и умелой речью Даррава, то сейчас он вспоминал всё сказанное с ироническим скептицизмом. Слишком уж поэтичным всё это казалось, в то время как нужно было возвращаться к повседневным заботам.

Вечером позвонил Макс, они о чём-то непринуждённо поболтали, Олег шутил и ничем не выдал ни своего настроения, ни мыслей. Он обещал позвать друзей к себе, как только появится свободное время, наверное, ближе к августу. День прошёл сравнительно быстро, хотя пока он тянулся, казалось, что никогда не кончится. Наступил вечер, и Олег стал собирать на стол, ожидая своих необычных гостей.

Они явились ровно в восемь, и Олег, увидев их снова, вдруг совершенно отчётливо ощутил реальность вчерашнего вечера. Оба рунга, войдя, откинули капюшоны, и Олег вновь поразился их нечеловеческой красоте. Страшными они казались лишь при первой встрече, благодаря хищному, дикому оттенку своих лиц, что, впрочем, вместе с тем и привлекало. Профессор Лонто тоже больше не создавал впечатления инопланетного чудовища, и в его «лице», как бы это удивительно не звучало, читались многие годы, побуждавшие к уважению.

– Прошу за стол, – пригласил Олег.

Карок объяснил, что земная еда не подходит его пищеварительной системе. Когда он говорил, то из его рта вылетали похожие на кошачье урчание, звуки, а переводило их дискообразное устройство, висевшее у него на груди. Рунги говорили на русском без каких-либо приспособлений, и в голосе Дгароува слышался лёгкий акцент. Они тоже с сомнением отнеслись к предложенной еде и едва к ней притронулись, неумело пользуясь приборами.

– Как я понимаю, – начал Даррав. – Память к тебе не вернулась.

– Нет.

– Но ты нам веришь.

– Стараюсь. Хоть это и не просто.

– На этот случай, – Даррав откинулся на спинке стула. – У нас есть ещё одно средство. Сильный психологический шок, связанный с прошлой жизнью. Это должен быть либо резко позитивный, либо негативный всплеск эмоций, вызванный чем-то очень знакомым. Но существует риск того, что твой мозг не выдержит такого объёма освободившейся информации, – Даррав на минуту замолчал. На лице его появилось чуть заметное раздражение. – Самое сложное то, что мы вообще не знаем, что может быть. Может, ты вообще ничего не должен вспомнить. А может ты и не Гектар вовсе, и мы ошиблись, что, правда, очень маловероятно. С такими вещами никто и никогда не имел дела, и мы порой действуем вслепую. Мы постоянно ходим по лезвию ножа, причём с завязанными глазами в тёмном лабиринте, – лицо и голос Даррава выражало мало эмоций, но не потому, что он их сдерживал, а просто проявлялись они на каком-то ином уровне, ведь видно было, какую силу он вкладывает в свои слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.